

ПРАВДА СЕРДЦА.

I.

Лѣто 1914 года въ Орго, маленькой эстонской деревушкѣ на южномъ берегу Финскаго залива, проходило пріятно и спокойно. Въ началѣ лѣта никто здѣсь и не думалъ о близости большой европейской войны. Все время стояла прекрасная погода, ясная теплая, съ рѣдкими дождями. Датчанки, — дѣмцы изъ Юрьева и изъ Ревеля, да русскіе интеллигенты изъ столицы, — развлекались какъ умѣли. Тѣ, которые жили здѣсь уже нѣсколько лѣтъ, хвалили очень это мѣсто, широкій видъ на море, великолѣпный шаркъ, закаты, — все, что можно хвалить. Пославше сюда первый разъ, — потому что знакомые зимою часто хвалили Орго, — жаловались на скуку.

Въ самомъ дѣлѣ Орго — глухое захолустье дѣтъ ни кургауза, ни музыки. Общество благоустройства дачной мѣстности Орго только-что было основано и успѣло только вывѣсить двѣ надписи о запрещеніи велосипедистамъ

Видать по пѣшеходной дорожкѣ въ деревнѣ, да еще устроило школьный теннисъ-троуддѣ. Даже станци жельззной дороги въ семи верстахъ,— не погуляешь по платформѣ, встрѣчая и провожая поѣзда. Только и было утѣшене, что купанье въ морѣ,—пляжъ очень хорошій почти такой же, какъ въ Усть-Наровской купальной мѣстности, — да лаунъ-теннисъ, устроенный на полянѣ надъ моремъ.

Изъ-за лаунъ-тенниса молодежь ссорилась съ аптекаремъ: не хотѣли платить денегъ за право игры на теннисѣ, а аптекаръ, казначей общества благоустройства дачной мѣстности Орго, грозилъ, что сниметъ сѣтку. Онъ старался быть очень аккуратнымъ, чтобы оправдать свою нѣмецкую фамилию, и чтобы его не сочли за эстонца.

Молодые люди говорили:

— Мы не обязаны платить вамъ за игру въ теннисъ. У васъ и сѣтка виситъ старая.

Аптекарь упрямо твердилъ:

— Нѣтъ, обязаны. Общество не имѣетъ суммъ на то, чтобы покупать сѣтку.

— Съ нашей дачи,—говорилъ веселый студентъ Бубенчиковъ,—вы уже выскали три рубля.

— А съ нашей,—говорилъ мрачный Козоваловъ,—даже пять.

Аптекарь объяснялъ:

— Ну такъ это же за доставку корреспонденци,—вы же сами знаете, что въ нашей мѣстности нѣтъ почтового отдѣленя. А мы хлопочемъ и въ будущемъ году мы будемъ имѣть почтово-телеграфное отдѣлене. Чего же вы хотите?

— Это намъ все равно,—говорили молодые люди—нельзя же платить безъ конца.

Долго пререкались. Наконецъ аптекаръ сѣтку снялъ,

и около теннис-грунда вывесить на столбѣ записку съ надписью: «Игра безъ разрѣшенія правленія общества благоустройства запрещается».

Въ отместку за это легкомысленные молодые люди въ слѣдующую же ночь прибили на дверяхъ аптеки записку: «Ходить въ аптеку безъ рецепта врача строго воспрещается».

Многие дачники, запасшись старыми сигнатурками нарочно заходили въ аптеку справиться, почему входить безъ рецепта воспрещенъ. Въ аптеку дачники ходили, какъ водится, не столько за лекарствами сколько за открытками съ видами мѣстности, за фонариками для иллюминацій, за мыломъ и одеколономъ, и за прочими разнообразными вещами.

Аптекарь возмущался, увѣрялъ что можно ходить и безъ рецепта, и, отпуская свои товары, жаловался всѣмъ на молодыхъ людей.

Раза два-три въ лѣто устраивались любительские спектакли и балы въ помѣщеніи мѣстнаго пожарнаго общества—вотъ и все веселье. Приходилось въ остальное время довольствоваться домашними развлеченіями, а днемъ гулять и любоваться видами—занятіе, молодости мало свойственное.

II.

Лиза Старкина, юная дочь морского офицера плавающего гдѣ-то въ далекомъ морѣ, была въ нерѣшительности, на комъ изъ двухъ молодыхъ людей остановить ей свое вниманіе. Бубенчиковъ и Козваловъ, два студента, юристъ и математикъ, оба были очаровательны, каждый въ своемъ родѣ.

Лизина мать, Анна Сергеевна предпочитала любезного и веселого Бубенчикова. Лиза тоже одиноквала его превосходныя качества но и въ мрачномъ Козоваловѣ были свои очарованья. Онъ не лишенъ былъ остроумія и находчивости, и хотя говорилъ ей иногда дерзости, но всегда готовъ былъ услужить, тогда какъ любезный и веселый Бубенчиковъ былъ эгоистъ, и отъ оказанія услугъ часто увиливалъ.

Впрочемъ, порою оба юноши казались Лизѣ скучноватыми. И казалось даже ей, что и живутъ они не настоящему, а такъ, между прочимъ до окончанія курса, — а настоящая жизнь ихъ начнется потомъ когда они выдержатъ свои государственныя экзамены и пристроятся болѣе или менѣе хорошо.

Но Лизѣ уже хотѣлось кого-то любить. Такой уже возрастъ. И потому на пляжѣ она почти каждый день, сбросивъ юбочку и сандали, танцевала Дунканскіе танцы то для одного, то для другого, то для обоихъ вмѣстѣ. Лиза, какъ водится, училась на какихъ-то драматическихкихъ курсахъ. Она была очаровательна въ платьяхъ своихъ танцахъ, стройная, тонкая, весело загорѣлая, легкая надъ гладью мелкаго, сѣрвато-золотистаго песка.

Былъ еще и третій, склонный ухаживать за Лизою усерднѣе и самоотверженнѣе первыхъ двухъ. Это былъ мѣстный Пауль Септъ, но для Лизы онъ былъ пока только комическимъ элементомъ.

Паулю Септу было двадцать восемь лѣтъ. Онъ былъ красивый, высокій, сильный, широкоплечій, очень сдержанный человекъ, добродушный и немного мѣшковатый. У него были ясныя голубыя глаза и свѣтлыя волосы. Онъ не пилъ водки, не курилъ. Не зналъ никакого разврата. Кончилъ какое-то сельскохозяиственное училище. Много читалъ, по-русски и по-нѣмецки. Очень любилъ

литературу и философию. Игралъ на роялѣ. Пѣлъ баритономъ. Двѣ его сестры, молоденькія дѣвушки, недавно кончили учиться въ гимназій.

Съ весны онъ былъ влюбленъ въ Лизу Старкину,—съ перваго же раза какъ увидѣлъ ее на обрывѣ надъ моремъ, въ туникѣ, веселую, бѣлую, еще не успѣвшую загорѣть. Но онъ былъ простой крестьянинъ эстонецъ, и самъ работалъ на своемъ полѣ, вмѣстѣ со своими двумя сестрами. У него было тридцать десятинъ земли, и въ томъ жилищѣ нѣсколько работниковъ и работницъ.

Онъ былъ еще холостъ и непороченъ какъ мальчикъ. Зимомъ онъ мечталъ о далекихъ красавицахъ. Каждое дѣло онъ влюблялся въ русскую барышню. — теперь влюбился въ Лизу. Въ нѣмокъ онъ почему-то не влюблялся ни разу.

И вотъ было трое влюбленныхъ въ одну Лизу. Лиза никогда еще въ жизни не чувствовала себя такою гордою и счастливою. Лиза и Паули Сеппа не совѣймъ отворачивали на страхъ двумъ другимъ. Поддразнивая ихъ, она говорила:

— Захочу и выйду за эстонца.

И въѣхъ трехъ выпучивала, весело и мило, какъ все, что она дѣлала.

Анна Сергѣевна очень сердилась, когда Лиза говорила съ нею объ эстонцѣ. Она восклицала.

— Лиза! Твой отецъ—капитанъ перваго ранга, а ты говоришь о простомъ эстонцѣ.

Лиза хохотала. Говорила:

— Мы съ Паулемъ будемъ косить траву, сѣять хлѣбъ, пасти свои стада, и разговаривать о Шеллерѣ и о Кантѣ.

— Ужасъ, ужасъ!—восклицала Анна Сергѣевна.

Лиза продолжала дразнить мать:

— Я буду доить коровъ и каждое утро носить для тебя парное молоко. Ты увидишь, какое оно будетъ вкусное, густое и чистое.

Анна Сергѣевна затыкала уши пальцами, и уходила.

III.

Лиза съ мамой, Бубенчиковъ и Козоваловъ гуляли въ паркѣ. Паркъ принадлежалъ остзейскому барону, и на входъ туда надобно было брать билеты. За билетами приходилось ходить къ управляющему, чистенькому нѣмцу изъ Риги.

Любовались на великолѣпный, бѣлый, военсенный надъ силлурійскимъ обрывомъ, домъ барона. Одинъ только Козоваловъ упрямо говорилъ, что домъ ему не нравится, что онъ годится развѣ только для устройства въ немъ музея дурного вкуса. Съ нимъ спорили. Но онъ былъ, конечно, правъ. У него былъ хороший вкусъ, и эта дурно-слаженная постройка, совсѣмъ не гармонировавшая съ мѣстностью, не могла его удовлетворить.

Когда уже видно было синее море, Козоваловъ сказалъ, указывая на отдѣльно стоящее громадное дерево:

— Вотъ то самое дерево.

— Какое?—спросила Лиза.

Козоваловъ мрачно улыбнулся и промолчалъ. У него былъ въ эту минуту таинственный и значительный видъ. Лиза вдругъ заглялась любопытствомъ. Бубенчиковъ рассказавъ:

— На этомъ деревѣ весной повѣсился баронскій конюхъ. Онъ выстегнулъ кнутомъ глазь одной лошади. Управляющій ему сказалъ, что выщеть триста рублей и посадить въ тюрьму. Ну, онъ пошелъ сюда ночью, и по-

вѣсилъ. Утромъ нашли. Молоденькій былъ совѣтъ, очень скромный, и у него была невѣста, здѣшняя естонка Эльза,—она живетъ въ горничныхъ у Левенштейна.

Анна Сергѣевна заахала:

— Ахъ какой ужасъ! Зачѣмъ вы насъ здѣсь повели! Мнѣ этотъ эстонецъ ночью будетъ снится. И зачѣмъ вы это рассказали!

Лиза сказала досадливо:

— Мама, какъ же ему не рассказать, когда его объ этомъ просать!

Лизу всегда утомляла дѣланная экспансивность и кокетливость ея матери.

Бубенчиковъ говорилъ оживленно, какъ что-то радостное:

— Многие теперь боятся ходить въ паркъ вечеромъ.

— Да и днемъ жутко,—сказала Анна Сергѣевна.— Знала бы, такъ не стала бы и билета брать.

— Ну, и бы и сама взяла!—отвѣчала Лиза.

Козоваловъ сказалъ злорадно:

— И молодая баронесса не пріѣхала нынче лѣтомъ.

— Почему?—спросила Лиза.

— Боятся, что эстонцы развалятся и станутъ мстить,—объяснилъ Козоваловъ.— Потому и билеты надо брать,—боятся пускать всѣхъ.

— Совсе не потому.— заспорила Лиза.— прежде всѣхъ пускали, такъ подходили къ самому замку, и всѣ цѣпты обрывали.

— Ну, ужъ ты, спорщица!—сказала Анна Сергѣевна.— всегда все лучше всѣхъ знаешь.

Вечеромъ, встрѣтившись съ Паулемъ Сеппомъ, Лиза спросила его:

— Почему повѣсился этотъ конюхъ? Неужели изъ-за какой-то баронской лошади?

— Да, изъ-за лошади,—отвѣчала Пауль Септъ.
— Но неужели же это правда?—спрашивала Лива.—Что же съ нимъ могли сдѣлать? Вѣдь мы же не во времена крѣпостного права живемъ!
Пауль Септъ спокойно отвѣчалъ:
— Управляющій—нѣмецъ.
— Ну такъ что же? — съ удивленіемъ спросила Лива.
— Нѣмцы народъ аккуратный, не простить—сказалъ Пауль Септъ.
И ясные глаза его зажглись мгновенною злобою.

IV.

Какъ-то совсѣмъ неожиданно стали говорить, что скоро будетъ война. Съ жадностью читали газеты. Злое нападеніе Австріи на Сербію и явное потворство ей со стороны Германіи раздражали многихъ. Возрастало негодованіе противъ Германіи. Припоминали, что Германія держала уже много лѣтъ всю Европу въ состояніи неуверенности въ завтрашнемъ днѣ, и заставляла всѣхъ дѣлать чрезмѣрные усилія для вооруженій. Вскрылась нарастающая въ теченіе долгихъ лѣтъ вражда къ надменнымъ и заносчивымъ пруссакамъ. Уже и мѣстные штаблы, аптекарь и булочникъ (онъ же содержатель пансіона) объявили, что они — не нѣмцы, а эстонцы; до сихъ поръ они это тщательно скрывали.

Появились указы о мобилизаціи, сначала частичной, а потомъ и общей. Дачники читали расклеванные объявленія, и толковали ихъ, кто какъ умѣлъ.

Вотъ и война объявлена. Въ газетахъ, которыя пришли вечеромъ, было напечатано о германскомъ наглѣмъ.

ультиматумъ Россіи. А къ ночи Бубенчиковъ съѣздилъ на велосипедъ на станцію, привезъ важныя новости. Онъ вошелъ торопливо на закрытую стеклянную террасу дачи Старкиныхъ, гдѣ сидѣли за чайнымъ столомъ Лиза, Анна Сергѣевна и Козоваловъ со своею матерью. Здороваясь, онъ объявилъ испуганно и радостно:

— Германцы объявила намъ войну. Францъ-Иосифъ умеръ.

Анна Сергѣевна всплеснула руками, и воскликнула:

— Ну, вотъ, дождалась, досидѣли! Ужасъ, ужасъ!

— Нѣмцы, можетъ быть, вѣдь высадятся, — говоритъ Бубенчиковъ, — эдѣсь вѣрности нѣтъ, и флота у насъ нѣтъ: они сюда и пойдутъ, и отсюда на Петербургъ.

Говорить это, какъ что-то радостное.

— Ужасъ, ужасъ! — повторила Анна Сергѣевна. — Что же съ нами будетъ?

Козоваловъ говоритъ:

— Нѣтъ, нѣмцы придутъ съ юга, и разрушатъ желѣзную дорогу. А что съ нами будетъ, это покрыто мракомъ неизвѣстности. Впрочемъ, кто уплѣзетъ отъ неприятельскихъ снарядовъ тому, надо полагать, нѣмцы ничего особенно-плохого не сдѣлаютъ: народъ культурный.

Лиза не вѣрила ни въ десантъ, ни въ разрушене желѣзной дороги. У нея было спокойное и смѣлое сердце чисто-русской дѣвушки. Она любила Россію, и потому вѣрила, что Россія побѣдитъ. Она говорила:

— Нѣмцамъ здѣсь не дадутъ высадиться. И до нашей желѣзной дороги имъ не дойти.

Мать спорила:

— Какъ же не дойдутъ, Лизочка, если изъ Восточной Пруссіи на насъ три арміи двигаются! Вѣдь это во всѣхъ газетахъ написано!

Лиза спокойно возражала:

— Да вѣдь и наши армии есть!

— Ну, гдѣ же наши? — говорила мать — нѣмцы сильнѣе, у нихъ всѣ мужчины на войну пошли.

Бубенчиковъ говорилъ:

— Нѣмцы быстротой возьмутъ. Наши не успеютъ опомниться, какъ уже нѣмцы подойдутъ къ Петербургу. Не даромъ же вокругъ Петербурга окопы роютъ, и всѣ деревья рубятъ.

— Такъ-таки всѣ? — насмѣшливо спросила Лиза. — Зачѣмъ же это?

— Ну, это по военнымъ соображеніямъ — сказалъ Бубенчиковъ. — Ну, я пойду. Надо нашимъ сказать и Лихутинымъ.

Бубенчиковъ наскоро попрощался со всѣми, и побѣжалъ по дорожкѣ темнаго сада.

— Газета! — досадливо сказала Лиза.

Бубенчиковъ обошелъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Дачники заволновались. До утра ходили по деревнѣ, и сообщали другъ другу новѣсть откуда пришедше слухи, одинъ другого невѣроятнѣе.

На другой день съ утра Анна Сергѣевна говорила о томъ, что надобно поскорѣе уѣхать въ Петербургъ. Лизѣ не хотѣлось. Она говорила:

— Такая хорошая погода! Что мы будемъ дѣлать въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, укладываться и уѣзжать! — съ выраженіемъ растерянности и ужаса на лицѣ говорила Анна Сергѣевна. — Пока еще выпускаютъ въ Петербургъ, а потомъ ужъ ни выпускать, ни выпускать не станутъ. А если сейчасъ поѣдемъ, такъ успедемъ еще, дастъ Богъ, и изъ Петербурга уѣхать.

Лиза досадливо спрашивала:

— Куда же еще ѣхать, мама?

Анна Сергѣевна отвѣчала:

— Въ Вологду, въ Нижний, подальше куда-нибудь.

Лиза засмѣялась. Спросила:

— Что же, ты думаешь они и въ Москву придутъ?

Анна Сергѣевна сказала упавшимъ голосомъ:

— Ахъ, Лизанька, это—только вопросъ времени.

Лиза съ удивленіемъ всмотрѣлась въ испуганное лицо матери. Сказала укоризненно:

— Ну, мама, и трусиха же ты!

Анна Сергѣевна заплакала и сказала:

— Лиза, я не хочу, чтобы прусскій солдатъ меня прикладомъ прашивъ.

Лиза покачала плечами, и подошла къ окну.

Ясное небо, простодушные пѣвцы на клумбахъ, невозмутимый миръ высоко-зеленѣющихъ деревьевъ,—ясная, мелкая жизнь и влитая въ нее мудрая близость успокоительной, глубокой смерти,—а рядомъ здѣсь, эта необходимая, жалкая трусость! Какъ странно!

Лиза увидѣла изъ окна проходившаго мимо сада поузкой межѣ за рожью ихъ хозяина. Онъ смиренный и добродушный. Любитъ пиво, но никогда не буянить. Бойтся онъ войны или нѣтъ?

Лиза быстро вышла къ нему. Спросила:

— Андрей Ивановичъ, вы на войну идете?

Хозяинъ снялъ шляпу, поклонился. Сказалъ:

— Нѣтъ, я—ратникъ, до меня еще не дошла очередь. Безъ меня много народу.

— Андрей Ивановичъ, а что, если нѣмцы придутъ?—спросила Лиза.

Толстый, рослый эстонецъ засмѣялся, и сказалъ:

— Мы ихъ сюда не пустимъ. И возьму ружье и одинъ сто нѣмцевъ убью.

Лиза закричала матери в окно:

— Мама, мама, послушай, что онъ говорить!

Анна Сергѣевна только махнула рукою.

Когда Лиза вернулась, Анна Сергѣевна ходила по комнатѣ и повторяла:

— Ужась, ужась! Все равно, здѣсь жить нельзя. Наши или чужіе, все равно, придутъ солдаты, поселятся въ нашей дачѣ, а намъ велеть уходить.

V.

Поппи гулять передъ вечеромъ, — Лиза съ матерью, молодые люди. Зашли въ эстонскую лавочку, подъ предлогомъ купить Жоржъ-Бормановскаго шоколада. На самомъ же дѣлѣ Аннѣ Сергѣевнѣ хотѣлось доказать Лизѣ, что оставаться здѣсь нельзя, потому что всѣхъ лошадей вонючать и у лавочника тоже и не на чемъ будетъ товаръ возить, да и до станціи не на чемъ добратся: опоздаешь уѣхать теперь, — сиди и умирай съ голода.

Хитрый эстонецъ лавочникъ, какъ всегда, посмѣивался. Онъ утѣрялъ, что за лошадей даютъ меньше, чѣмъ онъ ему самому стоили. Лиза не вѣрила.

— Зато; — говорила она, — вамъ ихъ зимой кормить не надо, а весной новыхъ купите.

Эстонецъ говорилъ, хитро посмѣиваясь:

— У кого шлохія лошади, тому выгодно, а я потеряю.

— А товаръ-то есть? — спросила Анна Сергѣевна.

— Теперь есть. Скоро не будетъ, — отвѣчалъ эстонецъ.

Анна Сергѣевна съ торжествомъ поглядѣла на дочь. Бубенчиковъ предлагалъ купить побольше шоколаду:

— Будемъ варить шоколадный супъ.

— Нѣтъ, не надо,—сказалъ Козоваловъ,—у насъ воронъ много, я стрѣлять буду.

Анна Сергѣевна обидѣлась.

— Сами и кушайте, я вороняну ѣсть не привыкла.

Выйдя изъ лавочки, читали расклеенныя тутъ же объявленія о мобилизаціи, и комментировали ихъ. Анна Сергѣевна говорила:

— Даже аммуниціи нѣтъ. Просить, чтобы съ собою солдатика сапоги приносили. Несчастные люди! Опять будетъ, какъ въ японскую войну.

Лиза сердилась и спорила. Она говорила съ досадою:

— Мама, ты — жена военнаго, а рассуждаешь совсѣмъ, какъ ничего не понимающая.

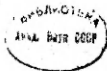
— Ты много понимаешь!—отвѣчала Анна Сергѣевна обычно стариковскою отповѣдью дѣтямъ.—Ты бы посмотрѣла на запасныхъ, — у нихъ совсѣмъ сумасшедше глаза.

— Ну, этого я ни у кого не видѣла,—отвѣчала Лиза.

VI.

Вечеромъ опять сошлись у Старкиныхъ. Говорили только о войнѣ. Кто-то пустилъ слухъ, что призывъ новобранцевъ въ этомъ году будетъ раньше обыкновеннаго, къ восемнадцатому августу; и что отсрочки студентамъ будутъ отменены. Поэтому Бубенчиковъ и Козоваловъ были угнетены:—если это вѣрно, то имъ придется отбывать воинскую повинность не черезъ два года, а нынче.

Воевать молодымъ людямъ не хотѣлось.—Бубенчиковъ слишкомъ любилъ свою молодую и, казалось ему, цѣнную и прекрасную жизнь, а Козоваловъ не любилъ

чтобы что бы то ни было вокруг него становилось слишком серьезнымъ.

Козоваловъ говорилъ уныло:

— Я уѣду въ Африку. Тамъ не будетъ войны.

— А я во Францію,—говорилъ Бубенчиковъ,—и перейду во французское подданство.

Лиза досадливо вскинула. Закричала:

— И вамъ не стыдно! Вы должны защищать насъ, а думаете самъ гдѣ спрятаться. И вы думаете, что во Франціи васъ не заставятъ воевать?

— Да, и правда!—невесело сказалъ Бубенчиковъ.

Мать Козовалова, полная, веселая дама, сказала добродушно:

— Это они нарочно такъ говорить. А если ихъ позовутъ, такъ и они покажутъ себя героями. Не хуже другихъ будутъ сражаться.

Гримасничая и ломаясь, по обыкновенью, Бубенчиковъ спрашивалъ Лизу:

— Такъ вы не совѣтуете мнѣ ѣхать во Францію?

Лиза отвѣчала сердито:

— Да, не совѣтую. Васъ по дорогѣ могутъ взять въ плѣнъ, и расстрѣлять.

— За что же?—дурашливо спрашивалъ Бубенчиковъ.

Анна Сергѣевна сказала сердито:

— Имъ еще надо учиться, поддерживать своихъ матерей. На войнѣ имъ нечего дѣлать.

Бубенчиковъ обрадовавшись поддержкѣ, нахмурился и сказалъ важно:

— Я о войнѣ и говорить больше не хочу. Я хочу заниматься своими дѣлами, и этого съ меня достаточно.

— Да мы въ герои и не просимся,—сказалъ Козоваловъ.

— И отчего его женщины на войну не берут!— воскликнула Лиза.— Вѣдь были же в древности амазонки!

— Была и у насъ дѣвица-кавалерница Дурова— сказала Козовалова.

Анна Сергѣевна съ кислою усмѣшкой посмотрѣла на Лизу, и сказала:

— Она у меня патриоткой оказалась!

Слова ея были, какъ порицаніе. Козовалова засмѣялась и сказала:

— Сегодня утромъ въ теплыхъ ваннахъ я говорю банщицѣ: Смотрите, Марта! когда придутъ нѣмцы, такъ вы съ ними не очень любезничайте. Она какъ рассердилась бросила шайку, говорить: «Да что вы, барыня! Да я ихъ кипяткомъ ошпарю!»

— Ужась ужась!—повторяла Анна Сергѣевна.

VII.

Изъ Орго призывали шестнадцать запасныхъ. Былъ призванъ и ухаживающій за Лизою эстонецъ, Пауль Сепшъ. Когда Лиза узнала объ этомъ, ей вдругъ стало какъ-то неловко, почти стыдно того, что она посмѣивалась надъ нимъ. Ей вспомнились его ясные дѣтски-чистые глаза. Она вдругъ ясно представила себѣ далекое поле битвы,—и онъ, большой сильный, унадесть сраженный вражескою пулею. Бережная, жалостливая нѣжность къ этому, уходящему, поднялась въ ея душѣ. Съ бояливымъ удивленіемъ она думала:

«Онъ меня любить. А я,—что жъ я? Прыгала, какъ обезьянка, и смѣялась. Онъ пойдетъ сражаться. Можетъ быть, умереть. И когда будетъ ему тяжело, кого онъ вспомнить, кому шепнуть: «прощай, милая»? Вспомнить русскую барышню, чужую, далекую».

И такъ грустно стало Лизѣ—плакать хотѣлось.

Въ тотъ день, когда запаснымъ надобно было идти, утромъ Пауль Септъ пришелъ къ Лизѣ прощаться. Лиза смотрѣла на него съ жалостливымъ любопытствомъ. Но глаза его были ясны и смѣлы. Она спросила:

— Пауль, страшно идти на войну?

Пауль улыбнулся и сказалъ:

— Все великое страшно. Но умереть—не страшно. Было бы страшно, если бы я зналъ, что буду бояться въ рѣшительную минуту. Но этого не будетъ, я знаю.

— Какъ вы можете это знать?—спросила Лиза.

— Я себя знаю,—сказалъ Пауль.

Лиза спросила:

— Но вѣдь вы, востонцы, не хотите войны?

Пауль Септъ спокойно отвѣчалъ:

— Кто же ее хочетъ? Но если насъ вызвали, мы будемъ воевать. И мы побѣдимъ. Россія не можетъ не побѣдить.

Лиза хотѣла сказать:

— Вѣдь вы—не русскіе.

Но не рѣшилась или не успѣла. Пауль какъ бы угадывая ее мысль, сказалъ:

— Мы, востонцы, очень не любимъ нѣмцевъ. Это—наслѣдственное. Много они здѣсь дѣлали жестокостей.

Лиза говорила:

— Да вѣдь это были вѣршіе нѣмцы, а не германскіе. А германскіе что же вамъ сдѣлали? и вѣдь вы же любите Бетховена и Гете?

— Они всё одинаковые,—жестокіе, хитрые, коварные,—сказалъ Пауль.—Съ тѣхъ поръ, какъ они побѣдили французовъ и отняли Эльзасъ и Лотарингію, они точно отраву какою-то опились. И ужъ какъ-будто это не тотъ народъ, изъ котораго вышли Бетховенъ и Гете.

Возьмите хоть то, что нигдѣ на всемъ свѣтѣ, кромѣ Германіи, нѣтъ закона о двойномъ подданствѣ.

Лиза не знала, что такое двойное подданство. Пауль Септъ растолковалъ. Лиза слушала съ удивленіемъ.

— Но вѣдь это—подлый обманъ!—воскликнула она.

Пауль Септъ пожалъ плечами.

— Это—германскій законъ,—сказалъ онъ.—Конечно, они считаютъ себя правыми, но намъ трудно стать на ихъ точку зрѣнія. Намъ непонятна ихъ правда, и кажется намъ она ложью. Будемъ надѣяться, что среди нихъ найдутся люди, писатели, рабоче, которые возвысятъ свой голосъ противъ германскаго безумія.

VIII.

Призванныхъ провожали торжественно. Собралась вся деревня. Говорили рѣчи. Игралъ мѣстный любительскій оркестръ. И дачники почти всѣ пришли. Дачницы пріянарядились.

Пауль шелъ впереди, и пѣлъ. Глаза его блистали, лицо казалось солнечно-свѣтымъ—онъ держалъ шляпу въ рукѣ, — и легкой вѣтерокъ развѣвалъ его свѣтлыя кудри. Его обычная мѣлковатость исчезла и онъ казался очень красивымъ. Такъ выходили нѣкогда въ походѣ викинги и ушкуйники. Онъ пѣлъ. Эстонцы съ одушевленіемъ повторяли слова народнаго гимна.

Анна Сергѣевна шла тутъ же, и повторила тихоюко:

— Ужасъ, ужасъ! Вы посмотрите, у нихъ у всѣхъ безумные глаза. Они знаютъ, что ихъ всѣхъ убьютъ.

— Ну, что ты, мама!—возражала Лиза.—Гдѣ ты это видишь? Всѣ они идутъ съ одушевленіемъ. Такой подъемъ духа—развѣ ты не видишь?

Должны до леса за деревнею. Дачницы стали возвращаться. Призываемые рассаживались на экипажи. Настыла тучка. Стало небо хмуриться. Свѣрелькіе ветри завивались и бѣжали по дорогѣ, маля и дразня кого-то. Анна Сергѣевна сказала:

— Пойдемъ, Лиза, домой. Ужъ дождь накрапываетъ.

Лиза тихо отвѣтила:

— Подожди, мама.

— Ну, чего тамъ ждать!—досадливо сказала Анна Сергѣевна.—Проводили, утѣшили, сколько могли, и довольно. Пусть останутся одни поплачуть, можетъ быть, все-таки легче будетъ.

Лиза засмѣялась и сказала весело:

— Нѣтъ, мама, они не заплачутъ. Они не думаютъ о смерти. А если и думаютъ—такъ на міру и смерть красна.

Лиза остановила Сеппа:

— Послушайте, Пауль, подойдите ко мнѣ на минутку.

Пауль отошелъ на боковую тропинку. Онъ шелъ рядомъ съ Лизою. Походка его была рѣшительная и твердая, и глаза смѣло глядѣли впередъ. Казалось, что въ душѣ его ритмично бились торжественные звуки воинственной музыки. Лиза смотрѣла на него влюбленными глазами. Онъ сказалъ:

— Ничего не бойтесь, Лиза. Пока мы живы, мы нѣмецъ далеко не пустимъ. А кто войдетъ въ Россію, тотъ не обрадуется нашему приему. Чѣмъ больше ихъ войдетъ, тѣмъ меньше ихъ вернется въ Германію.

Вдругъ Лиза очень покраснѣла и сказала:

— Пауль, въ эти дни я васъ полюбила. Я поѣду за вами. Меня возьмутъ въ сестры милосердія. При первой возможности мы повѣщаемся.

Пауль вспыхнул. Онъ наклонился поцѣловать Лизину руку, и повторялъ:

— Милая, милая!

И когда онъ опять посмотрѣлъ въ ея лицо, его ясные глаза были влажны.

Анна Сергѣевна шла на нѣсколько шаговъ сзади, и роптала:

— Какія нѣжности съ естонцемъ! Онъ Богъ знаетъ что о себѣ вообразить. Можете представить—цѣлуетъ руку, точно рыцарь своей дамѣ!

Бубенчиковъ передраивалъ походку Пауля Сешта. Анна Сергѣевна нашла, что очень похоже и очень смѣшно, и засмѣялась. Козваловъ сардонически улыбался.

Лиза обернулась къ матери, и крикнула:

— Мама, пооди сюда!

Она и Пауль Сештъ остановились у края дороги. У обохъ были счастливыя, сияюща лица.

Вмѣстѣ съ Анною Сергѣевною подошли Козваловъ и Бубенчиковъ. Козваловъ сказалъ на ухо Аннѣ Сергѣевнѣ:

— А нашему естонцу очень къ лицу воистинное воодушевленіе. Смотрите, какой красавецъ, точно рыцарь Парсифаль.

Анна Сергѣевна съ досадою проворчала:

— Ну ужъ красавецъ! Ну, что, Лизанька?—спросила она у дочери.

Лиза сказала, радостно улыбаясь:

— Вотъ мой женихъ, мамочка.

Анна Сергѣевна въ ужасѣ перекрестилась. Воскликнула:

— Лиза, побойся Бога! Что ты говоришь!

Лиза говорила съ гордостью:

— Онъ—защитникъ отечества.

Анна Сергѣевна растерянно смотрѣла то на Пауля, то на Лизу. Не знала, что сказать. Придумала наконецъ:

— Такое ли теперь время? Объ этомъ ли ему надо думать?

Бубенчиковъ и Козоваловъ насмѣшливо улыбались. Пауль горделиво выпрямился и сказалъ:

— Анна Сергѣевна, я не хочу пользоваться минутнымъ порывомъ вашей дочери. Она свободна, но я никогда въ моей жизни не забуду этой минуты.

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричала Лиза,—милый Пауль, я люблю тебя, я хочу быть твоею!

Она бросилась къ нему на шею, обняла его крѣпко, и зарыдала. Анна Сергѣевна восклицала:

— Ужасъ, ужасъ! Но вѣдь это же—чистая психопатія!
